

Любослов не говорит о преимуществах какой-то определенной науки, но настойчиво проводит идею о том, что мысли важнее слов, что содержание имеет большее значение, чем форма: «Демосфены и Цицероны не столь красноречием своим, сколь силою и важностью чистого нравоучения обращали внимание к своим речам».¹⁴

Итак, вывод Я. К. Грота можно сформулировать иначе: Любослов, серьезно занимавшийся филологией, был достаточно хорошо осведомлен и в естественных науках.

Сделав эти ценные наблюдения, Я. К. Грот приписывает псевдоним Ивану Морозову, который в 1783 году служил в Кабинете при собственных делах и у принятия прошений при Храповицком. «Что ему не чужды были как словесные, так и естественные науки, — пишет Я. К. Грот, — видно из его двух переводов с немецкого „Сокращение всех наук“ и „Философическое рассуждение о перерождении животных“».¹⁵

Основа этого предположения — недатированное письмо Дашковой к Екатерине: «Я припоминаю теперь, что Ваше Величество третьего дня сказали мне, будто я рассердилась на Морозова, и так как из этого вы можете заключить о моем дурном расположении духа, то я должна объяснить Вашему Величеству всю правду. Я Морозова не знаю, и он почти одну меня щадил в своих критиках: из этого вы усмотрите, что я не имела причины на него сердиться и что мне напрасно приписывали это чувство».¹⁶

Однако есть соображения, ставящие под сомнение гипотезу Я. К. Грота. Во-первых, нужно помнить, что издатели часто сами не знали авторов присылаемых к ним статей, а в своих догадках нередко ошибались. Так, например, «Вопросы» Фонвизина приписывались сперва И. И. Шувалову, а произведения С. П. Румянцова — его брату Н. П. Румянцеву. Во-вторых, опровержение письма Дашковой относится, по всей вероятности, к декабрю 1783 года — периоду подготовки IX части журнала. В это время Екатерина проявляла немилость к Дашковой из-за ее разлада с Нарышкиным и забрала обратно свои статьи, предназначенные для «Собеседника». Дашкова в полной растерянности и смятении умоляла императрицу о прощении. Желая угодить государыне, она поместила в IX части свои «Записки разносчика», о которых Екатерина благосклонно заметила: «Читая статью разносчика, я готова была бы побойться, что она вышла из-под моего пера».¹⁷ Но именно здесь, в этой статье, было немало насмешек в адрес Любослова. Значит эти насмешки радовали, а не раздражали Екатерину.

Таким образом, каждая из приведенных гипотез о принадлежности псевдонима тому или иному лицу оказывается довольно уязвимой.

В настоящее время П. Н. Берков высказал догадку о том, что Любослов — это епископ Дамаскин (Дмитрий Семенов-Руднев). В подтверждение этой гипотезы можно привести много аргументов.

Прежде всего в статьях Любослова бросаются в глаза многочисленные ссылки на Ломоносова. Последний является для критика непререкаемым авторитетом. Еще в своей первой работе — «Послании» Любослов заявлял: «Не думайте, что противуположения сии суть нечто новое, что оне суть мечта тщеславия — нет — оне основаны на правилах, приобретенных тщательным наблюдением и пронизательным исследованием преобразителя Российского слова»¹⁸ (т. е. Ломоносова). Безусловно, имя Ломоносова в то время было

¹⁴ «Собеседник», ч. VII, стр. 145.

¹⁵ Я. К. Грот. Жизнь Державина, стр. 330.

¹⁶ П. П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863, стр. 78. (Приложение к III тому Зап. Имп. АН, № 6).

¹⁷ Там же, стр. 32—33.

¹⁸ «Собеседник», ч. II, стр. 117.